

НИКОЛАЙ СВЕЧИН

**УРАЛЬСКОЕ
ЭХО**

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С24

Автор благодарит Владимира Миктюка
за историко-краеведческую экспертизу книги.

Свечин, Николай.
С24 Уральское эхо / Николай Свечин. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190278-0

Действие романа Николая Свечина «Уральское эхо» происходит летом 1913 года: в Петербурге пропал без вести надзиратель сыскалой полиции. Тело не найдено, однако очевидно, что он убит преступниками.

Подозрение падает на крупного столичного уголовного авторитета по кличке Граф Платов. Поиски убийцы зашли в тупик, но в ходе них удалось обнаружить украденную с уральских копей платину. Террористы из банды уральского боевика Лбова выкопали из земли клад атамана и готовят на эти деньги убийство царя! Лыков и его помощник Азвестопуло срочно выехали в столицу Урала Екатеринбург, где им удалось вскрыть схему хищений драгметаллов, арестовать Платова и разгромить местных эсеров. Но они совсем не ожидали, что сами окажутся втянуты в преступный водоворот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190278-0

© Свечин Н., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

• ГЛАВА 1 •

ПРОПАЖА АГЕНТА

Вечером 10 июля 1913 года надзиратель второго разряда Петербургской сыскной полиции Иван Изралов не пришел на ежедневный доклад к чиновнику ПСП Левикову. Тот курировал Второе отделение наружной полиции¹, куда входили участки, за которые отвечал агент².

Левилов сперва не обратил внимания на неявку подчиненного. Титулярный советник был опытным служакой, а в 1907 году даже возглавлял Бакинское сыскное отделение, где пережил покушение на свою жизнь. Теперь Александр Степанович занимал в ПСП ответственную должность чиновника для поручений. Надзиратель не пришел на доклад — значит, был занят неотложным делом. Утром явится и отчитается.

¹ Полиция Петербурга после 1906 года разделялась на шесть отделений, в каждое входило по 8–10 участков. Отделения возглавляли полицмейстеры, подчинявшиеся градоначальнику. *(Здесь и далее — примеч. автора.)*

² Правильно — надзиратель, но в просторечье их часто называли агентами.

Но Изралов не явился и утром. Это уже было из ряда вон, и на дом к надзирателю отправился курьер. Он вернулся ни с чем: жена сказала, что сама беспокоится за мужа. Ушел вчера в пятом часу пополудни с загадочным лицом и с тех пор не возвращался. В дверях спросил: если меня повысят в первый разряд, что тебе купить с нового жалованья?

Чиновник немедленно доложил о происшествии начальнику сысской полиции статскому советнику Филиппову. Тот успокоил подчиненного: за сорок семь лет существования их службы ни один сыщик не погиб. Скорее всего, агент попал на горячий след и пошел по нему. Такие случаи бывали — надзиратели иной раз проезжали пол-России, филируя преступника. Доберется Изралов до телеграфа и сообщит, где он и что с ним... Но на всякий случай шеф велел осмотреть квартиру и рабочий стол Ивана. Еще он спросил чиновника:

— Что вы ему поручали из последних дел?

— Иван отвечает за Первый и Второй участки Нарвской части, — сказал титулярный советник. — Вы же помните, Владимир Гаврилович, что у нас там.

Статский советник крякнул:

— Да уж...

Участки были одними из самых беспокойных в столице. Они охватывали местности по левому берегу Обводного канала между Царскосельским проспектом и речкой Таракановкой. Один Скотопригонный двор чего стоит! А еще два вокзала — Варшавский и Балтий-

ский — плюс Митрофаньевское кладбище с его близостью к Горячему полю... Притоны Альбуминной и Старообрядческой улиц, казармы рабочих городской бойни, бесконечные лабазы тряпичников вдоль канала... Темные обираловки вокруг банов¹, в каждой из которых квартирует отдельная хевра мойщиков или скрипушников...² Пакгаузы железных дорог, как магнит притягивающие всю окрестную погань...

— А те два убийства тоже он дознавал? — насторожился Филиппов.

— Точно так. Без особого успеха, правда. Я уже собирался усилить Изралова другим надзирателем, да...

На этих словах чиновник схватил себя за подбородок:

— Неужели?..

— Что вспомнили, Александр Степанович?

— Да он вчера и мне строил загадочное лицо. А потом бросил через плечо: не цените вы меня, но я докажу...

В конце июня за оградой Воскресенского женского монастыря нашли два мужских трупа. Документов при них не было, и на установку личности ушло несколько дней. Полицейские выяснили, что это были отец и сын Зыковы, богатые прасолы из Усть-Каменогорска. Приехали торговать скот, получили выручку — и их заре-

¹ Обираловка — пивная; бан — вокзал (жарг.).

² Хевра — шайка; мойщик — поездной вор; скрипушник — вокзальный вор (жарг.).

зали. Двойное убийство — происшествие чрезвычайное, градоначальник Драчевский постоянно спрашивал о ходе дознания у Филиппова. Но юбилейные торжества¹ отвлекали все силы сыщиков. Наплыв приезжих, неизбежные мордобой и поножовщина в местах народных гуляний — чины ПСП валялись с ног и ждали осени.

Филиппов тяжело поднялся, почесал объемистый живот и сказал:

— Идемте.

Они вошли в комнату надзирателей и двинулись вдоль столов.

— Вот этот его, — указал на стол у окна Левиков. — Делит вместе с Дмитриевым и Гунтаревым.

— Господа, где ящик Изралова? — спросил статский советник у агентов. Один из них, Гунтарев, открыл створку:

— Здесь, ваше высокородие. А еще навалено сверху.

— Что такое?

Филиппов взял со стола сорок шестой том словаря Брокгауза и Ефрона.

— Иван забрал вчера у журналиста².

— Зачем?

— Не сказал, ваше высокородие. А вон там закладку видать.

¹ Трехсотлетие дома Романовых.

² *Журналист* — чиновник канцелярии, отвечающий за архив.

Статский советник раскрыл том на закладке и почернел:

— Вон оно как... Тут еще надпись.

Левиков взял из его рук полоску бумаги и прочел вслух:

— «Сусальников, Матвей, Екатеринбург». Абракадабра или подсказка, Владимир Гаврилович?

— А вот сюда посмотрите, — ткнул тот пальцем в колонку энциклопедического словаря.

— Платов? Тот самый, казачий граф?

— У нас, Александр Степаныч, свой Платов имеется. Нешто забыли?

Тут и Левиков дернул щекой:

— Ах ты господи... Не может быть! Он в столице? Хотя... в марте еще я получил об этом очень поверхностные сведения... докладывал вам, помните?

— Помню и не придал тогда значения, — кивнул начальник ПСП. — Вот и допрыгались. Найдем ли мы теперь Ваню? И думать об этом не хочется.

Филиппов оказался прав. Больше надзирателя второго разряда Ивана Изрлова никто никогда не видел. Ни живого, ни мертвого.

Спустя сорок восемь часов в отдельном кабинете ресторана «Англия», что на Офицерской, 17, собрались три статских советника. Компанию Филиппову составили делопроизводитель Восьмого делопроизводства Департамента полиции Лебедев и чиновник особых по-

ручений того же ведомства Лыков. Эти трое являлись лучшими сыщиками столицы. С недавних пор они установили обычай: раз в месяц встречаться и обсуждать накопившиеся вопросы. Сегодня начальник ПСП собрал коллег вне очереди — уж очень срочное было дело.

Выпив по первой рюмке и закусив, их высокородия переглянулись. Алексей Николаевич кивнул Владимиру Гавриловичу:

— Начинай. Ты насчет Изралова?

— Да.

— Так и не нашли?

— Боюсь, и не найдем.

У Лыкова на лбу появилась невеселая складка.

— Это он весной помогал взять Жоржика Могучего на том же Обводном?¹

— Он.

— Расторопный был...

Филиппов вздохнул, поправил на коленях салфетку и начал рассказывать:

— Имя Матвей на закладке и страница в словаре, на которой рассказывается про графа Платова, дают нам отчетливый след. Видимо, мой надзиратель обнаружил, что к убийству прасолов приложил руку некто Шелашников, бывший горнорабочий поселка Шайтанка Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Вы должны его знать — он уже пять лет как в циркулярном розыске.

¹ См. книгу «В отсутствие начальства».

Департаментские кивнули, но Лыков добавил:

— Уточни детали, а то мерзавцев всяких пруд пруди, всех не упомнишь.

— Этот особенный, — вздохнул главный столичный сыщик. — Зовут Матвей Досифеевич, лет от роду сорок пять, а кличка в уголовной среде — Граф Платов.

— Отчего так? — заинтересовался Лебедев.

— История длинная...

— Тогда махнем еще по рюмке, и продолжишь.

Они выпили, и Владимир Гаврилович задал неожиданный вопрос:

— Знаете, кто такие платирины?

Лыков пожал плечами. Но Лебедев, который много занимался классификацией примет, ответил:

— Это что-то связанное с носом. У платиринов он широкий.

— Верно, Василий Иванович. Платиринами называют представителей тех рас, у которых широкие носы. Это негры, негритосы и австралийцы. У них ширина носа в полтора раза больше, чем длина. А у европейцев, например, вдвое меньше. У иранцев или кавказцев соотношение еще меньше. Так вот. Наш герой имеет особую примету — именно такую картошку на лице вместо носа. Когда он в первый раз угодил в тюрьму, смотритель попался шутник и антрополог-самоучка. Он дал Шелашникову прозвище Платирин и даже записал его в статейные списки. Окружающие уголовники такого слова запомнить не могли и переиначили парня в Пла-

това. Точнее, Графа Платова. Опять же, оба крещены Матвеями.

Алексей Николаевич почувствовал недосказанность и уточнил:

— У парня задатки вождя? Казачьего графа в народе уважают, просто так его именем не назовут.

— Да, наш горнорабочий недолго мыл золото. Вообще, с этим презренным металлом смолоду связана его жизнь. На Урале много золота, им занимаются все кому не лень. А где оно, там воровство, хищническая намывка, незаконная торговля. И кровь. Еще будучи шестнадцати лет, Шелашников убил у себя в Шайтанке десятилетнего. Он нашел самородок в полфунта весом и решил спрятать. Начальник увидел и отобрал. Так Матвейка зарядил ружье мелкими обойными гвоздями, пришел в контору и пустил гвозди обидчику в живот! Поскольку он был еще несовершеннолетний, попал в колонию, из которой вышел уже закоренелым преступником. Второй раз Шелашников зарезал скупщика ворованного с приисков золота, в той же Шайтанской даче¹. Вскоре попался, получил в подследственной тюрьме свою знаменитую кличку, а затем восемь с половиной лет каторги. Откуда и сбежал меньше чем через год. Это было в девятьсот третьем. С тех пор Графа Платова поймать не могут, а убийств на нем уже около десятка. С двумя

¹ *Дача* — земельный участок, занимаемый прииском, с лесом, полезными ископаемыми, разработками и прочим.

прасолами, считайте, дюжина. И он приехал разбойничать в Петербург, сволочь.

— Где их сиятельство промышлял все эти годы? — спросил Василий Иванович.

— Главным образом на Среднем Урале, в родной Пермской губернии. В лихолетье примыкал к банде знаменитого Лбова. Командовал своей шайкой, но с мотобригадой Робин Гудом тесно сотрудничал.

— Лбова давно повесили, — напомнил Алексей Николаевич.

— Да, пять лет назад. Но его многочисленных сообщников, а им счет шел на сотни, ловят по сию пору. Многие так и не получили наказания за свои изуверские подвиги.

Сыщики заторопились налить себе коньяку. Говорить о лихолетье им без крепких напитков не хотелось...

— Да уж, время было — не приведи господь повторится... — буркнул Филиппов.

Лыков потер шею — вдруг заболело в том месте, куда угодила пуля, выпущенная негодяем Варешкиным¹. Действительно, времечко было трудное, многие полицейские не сумели его пережить...

— Что дали поиски? — вернул всех в настоящее Лебедев. — Вы ищете третий день, каков результат?

— Результат ноль, — кисло ответил Филиппов. — След, который взял мой надзиратель, мы изучили.

¹ См. рассказ «Варешкин» в сборнике «Удар в сердце».

И ничего нам это не дало. На закладке была фамилия Сусальников. Так звали владельца тряпичного склада на Обводном канале, угол с Везенбергской улицей. Весь тот конец воровской, а тряпичники — жулики все без исключений!

В самом деле, промысел по сбору тряпья и других отходов оставался головной болью полиции. Владельцы складов, хозяева артелей являлись важными людьми в преступной иерархии столицы. Именно они укрывали похищенное, переделывали слам¹, содержали воровские шайки и служили при них наводчиками. Особенно дурной славой пользовались Тосина и Боровая улицы, там честному промышленнику вообще жить не пристало. Но и другие закоулки вокруг Обводного канала были не лучше. Опасное место!

— Так что Сусальников?

— Он сбежал в ночь пропажи надзирателя. Чем доказал свою к этому причастность. Мы наводим справки, но дело трудное. Ясно, что он никакой не Сусальников, документы поддельные, а склад его — логовище бла-тер-каина² крупного калибра. Мы отыскиали там то, что ребята не успели унести: хлопок и кожи с пакгаузов, десять фунтов платиновой жести, целую гору мешков с сахаром-рафинадом. А еще три магазинные винтовки и тысячу патронов к ним.

¹ *Слам* — воровская добыча.

² *Блатер-каин* — барыга, маклак, скупщик краденого.

— Винтовки? — оживился Лыков. — Террористам продавали?

— Многие купят такой товар, — осадил приятеля Владимир Гаврилович. — И кавказские абреки, и македонские повстанцы, и армянские боевики-дашнаки.

— Послали номера винтовок в Военное министерство?

— Разумеется. Ответа пока нет. Шерстим картотеку, посмотрим, на кого похож липовый Сусальников.

— А приказчики со склада? Кассир? Дворник дома, где проживал барыга?

— Приказчики врут, что ничего не знали. Кассир тоже. Дворник — пьяница. Посадить мы никого не можем, припугнуть нечем. Бумаги, переписка — все исчезло, он захватил их с собой.

— Двойное убийство плюс пропажа сыскного надзирателя — да тут любой следователь распорядится насчет ареста, — возразил Лыков. — А в предварительной тюрьме прижмешь и приказчиков, и кассира. Они много знают!

Филиппов скептически покачал головой: мол, тебе легко говорить... Тогда Лебедев веско спросил:

— Владимир Гаврилович, чем мы с Алексеем Николаевичем можем тебе помочь?

— Привлеките силы департамента.

— Конечно, но какие именно? Тебе нужна наша картотека?

— Да. Я пришлю завтра фотопортрет лже-Сусальникова и описание его привычек. Копните у себя, хорошо?

— Копнем, а еще что? Отпечатки пальцев барыги сняли?

— Там сотни отпечатков, и в конторе, и дома. Не разберешься, какие из них его.

Департаментские неодобрительно загудели. Разобраться можно, было бы желание! Пальцевые отпечатки стали брать сравнительно недавно, но их картотека уже приблизилась к ста тысячам. Это если считать с ГТУ¹ и сыскными отделениями.

Владимир Гаврилович поспешил свернуть разговор и обратился к принесенному горячему. Остаток вечера прошел в беседах о том о сем, сыщики тревоугодничали. Лыков рассказал, что семейство решило избавиться от лесного имения в этом году. Его товарищи понимающе закатили глаза: завтра может быть поздно. Весь думающий Петербург чувствовал тягостное и неизбежное приближение беды. Одни веселились, другие продавали недвижимость. Лебедеву с Филипповым продавать было нечего, а веселиться не получалось...

На другой день Алексей Николаевич получил пакет с Офицерской². В нем лежала карточка с изображением малого лет тридцати семи, с плутоватым выражением лица и тонкими поджатыми губами. Заурядный господин и какой-то сухой, с глубоко запрятанным харак-

¹ ГТУ — Главное тюремное управление.

² На Офицерской, 28, располагалась Петербургская сыскная полиция.

тером. Будто старовер, недоброжелательно отметил статский советник. Почему старовер? Он подумал и сам себе ответил: есть в этом сбежавшем делеге что-то от начетчика.

Весь день Лыков рылся в картотеке департамента, излазил архив Окружного суда, справился в ГТУ. Начетчика он не нашел, хотя в глазах уже рябило от регистрационных карточек. Статский советник не сдавался. Этот человек причастен к убийству надзирателя сысской полиции. В то, что Изралов жив, верилось с трудом... Сейчас десятки людей в столице ищут хоть какие-то зацепки. Они не успокоятся, пока не отомстят за товарища. Чиновник особых поручений в пятом классе при министре внутренних дел, прикомандированный для занятий в Департаменте полиции, — так длинно называлась должность Алексея Николаевича. А можно сказать одним словом — сыщик. Именно в таком качестве Лыков рыл землю, чувствуя себя с неимеющим чина надзирателем второго разряда братьями по крови.

Так... Осанка: выправка корпуса, манера держаться. Прозвище, кличка, ложное имя. Особенности жестикующия, гримасы, мимика. Природный язык, голос, иностранный акцент, областной выговор, наречие. Походка. Особенности одежды. Особые приметы. Привычки, слабости. Из допросов близких к тряпичнику лиц выяснилось, что он говорил чуть гнусаво, при ходьбе сутулился, любил шанежки с творогом (где бы их еще

взять в Петербурге) и в состоянии подпития сипло распевал «Врагу не сдается наш гордый «Варяг». Целая куча примет, но она ни к кому не подходила.

На другой день явился из отпуска загорелый Азвестопуло. Он начал было излагать шефу свои путевые впечатления, но тот заткнул фонтан красноречия коллежского асессора и велел помочь с поиском. А именно связаться с Московской сыскной: пусть пороются в своей картолке и попробуют найти любителя шанежек. Через кондуктора в Москву были посланы копия фотографии лже-Сусальникова и описание его примет.

Вышло так, что именно запрос в Первопрестольную дал результат. Люди Кошко¹ тоже чувствовали свою общность с пропавшим сыщиком и отработали на совесть. К концу недели стала известна настоящая фамилия тряпичника — Иван Пиньжаков, мастеровой поселка Шарташ Екатеринбургского уезда. Он действительно оказался старовером, их в Шарташе жило немало. Бандит из шайки того же Лбова по кличке Двоедан², он судился в 1907 году в Перми, за недоказанностью получил три года ссылки, из которой сбежал.

Итак, два злодея из одной хевры. Забытое дело осталось незавершенным. Недобитые птенцы «уральского Ринальдино Ринальдо» (так газеты именовали атамана)

¹ *Кошко Аркадий Францевич* — начальник Московской сыскной полиции (МСП).

² *Двоедан* — прозвище старовера.

расползлись по стране, отсиделись, переменили личность и опять взялись за старое.

Установив имена главных подозреваемых, полиция начала методичную работу по их розыску. Первым делом мобилизовали агентуру: Филиппов свою, а Лыков свою. У ПСП счет информантам шел на сотни, но это была главным образом «коридорная» агентура. Так называли мелких осведомителей, вхожих разве что в предбанник серьезной преступности. Воришки, мошенники, скупщики краденого, проститутки, половые в уголовных трактирах, «черные извозчики»¹. Состоящие с ними на связи агенты принимали ребят не на явочных квартирах, а прямо в служебных кабинетах на Офицерской. Люди в ожидании, когда их позовут, толкались в коридоре у всех на виду, потому и прозывались коридорными. Нарушений конспирации тут не было: подобную публику и так через день тягали в полицию для внушений и расспросов. Находящиеся на свободе мелкие уголовники всегда считались подозреваемыми по текущим делам, сыщики трясли их с утра до вечера...

Два-три десятка серьезных осведомителей, золотой фонд ПСП, работали иначе. С ними на явках встречались только чиновники сыскной или даже помощник Филиппова коллежский асессор Маршалк. А двух-трех человек принимал сам Владимир Гаврилович. Им зада-

¹ «Черный извозчик» — сообщник воров, помогающий со своим экипажем совершать кражи.

чи ставились другие: не подслушать разговор фартовых за бильярдом, а разузнать, куда спрятались бывшие лбовцы.

Алексей Николаевич пошел своим путем. Первым делом он назначил встречу Сорокоуму — столичному «ивану иванычу», вождю преступного мира Петербурга Ларьке Шишку, или Рудайтису, в миру капиталисту Вырапаеву¹.

Они позавтракали в ресторане «Бугорки» на Мясной улице, подальше от любопытных глаз. За соседним столиком пристроились трое парней, каждый из которых был ростом с циркового борца Кашеева². Еще один дежурил на улице, и карман у него сильно оттопыривал револьвер.

— Кого-то опасаясь? — кивнул на охранников сыщик.

— На всякий случай, — пояснил «иван иваныч». — Говори, зачем побеспокоил. Мне в Италию ехать надо, а тут ты...

— Пропал без вести надзиратель сысской полиции Изралов.

— Ну и что? Я-то тут при чем?

Вырапаев-Рудайтис смотрел на Лыкова холодными волчьими глазами, в которых не было ничего челове-

¹ См. книгу «Паутина».

² Рост Григория Кашеева составлял 2 метра 18 сантиметров.

ческого. Алексей Николаевич понял, что разговор не задастся. Но следовало попытаться.

— Когда мы с тобой договаривались, ты сказал: везде должен быть порядок, и в фартовом мире тоже. Помнишь?

— Помню.

Статский советник начал горячиться:

— Убийство сыскного надзирателя, по-твоему, порядок?

— Трупа ведь нет? Нет. Почему вы решили, что тут убийство?

— Илларион Саввич, давай говорить серьезно. Что, Изралова держат где-то в подвале на цепи? И вскоре отпустят?

— Понятия не имею.

— Полно врать!

Лыков хватил кулаком по столу. Рослые ребята сразу вскочили и кинулись к ним, но «иван иваныч» жестом вернул их на место.

Собеседники помолчали, опрокинули по рюмке бенедиктина, и Рудайтис спросил:

— Алексей Николаич, какого лешего ты ведешь себя со мной как с капорником?¹ Который получает трешницу за доносы. Ничего не перепутал?

— Извини.

— Так-то лучше. Начнем сначала. Пропал сыскной надзиратель. Возможно, ты прав, его убили и где-то закопали. Что ты хочешь от меня?

¹ *Капорник* — секретный осведомитель полиции (*жафг.*).

Лыков потер вспотевшие вдруг ладони и заговорил спокойно:

— Знаешь, как я тебя называю в разговорах с Азвестопуло? Профессор Мориарти. Читал Конан-Дойла?

Бандит с усмешкой кивнул.

— Так вот, если ты Мориарти Петербурга, то обязан знать все, что творится в городе. А уж такое неслыханное преступление, как убийство надзирателя сыскальной полиции, тем более не могло пройти мимо твоего внимания.

Сорокоум продолжал молчать, только сверлил сыщика взглядом. Тот махнул еще бенедиктина, закусил каперсом и продолжил:

— Мы с тобой заключили соглашение. Не как лягач¹ с полицейским, а как две высокие договаривающиеся стороны. Ты от преступности, я от закона. Суть соглашения позволю себе напомнить: избегать крайностей. Правильно формулирую?

— Ну, в целом да...

— Не юли, ты ведь теперь не Ларька Шишок, как двадцать лет назад, а серьезный деловик.

Рудайтис тоже махнул рюмку и уточнил:

— Ты хочешь, чтобы я сдал тебе Графа Платова на блюдечке?

— Видишь, ты даже знаешь, кто убийца. Граф Платов, он же Матвей Шелашников. Он переступил линию,

¹ *Лягач* — то же, что и капорник: доносчик (*жарг.*).